На правах рукописи

КИЛАБОВА Марет Ароновна

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ МУСЫ БЕКСУЛТАНОВА

Специальность 10.01.02. – Литература народов
Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2020

Работа выполнена на кафедре литературы и методики преподавания Института филологии, истории и права Чеченского государственного педагогического университета

Научный руководитель:	**Джамбеков Овхад Алихаджиевич,** доктор филологических наук, профессор
Официальные оппоненты:	**Акавов Забит Насирович,** доктор филологических наук, профессор кафедры литературы ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»
	Шовгенова Тамара Алиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы Государственного бюджетного учреждения Республики Адыгея «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева»
Ведущая организация:	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет»

Защита состоится 27 марта 2020 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.001.10 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, с диссертацией и авторефератом – на официальном сайте университета: htpp://www.adygnet.ru и на сайте ВАК: http://vak.ed.gov.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2020 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук Г. В. Соколова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В середине 1970-х годов появляется новое поколение литераторов Чечни, для которого было характерно обращение к национальной истории и традиционным формам этнического бытия. Вместе с тем, это были люди новой формации, стремившиеся преодолеть тотальную регламентацию коммунистической идеологии и авторитарность социалистического реализма и отличавшиеся свободным от официоза мышлением, имевшие свою жизненную, философскую и художественную позиции.

К молодому поколению «семидесятников-восьмидесятников» принадлежали многие талантливые авторы – Муса Ахмадов, Леча Абдулаев, Муса Бексултанов, Юсуп Яралиев, Бана Гайтукаева, Абу Исмаилов, Апти Бисултанов, Шарип Цуруев, Таус Исаев, Маадула Завриев, Лула Жумалаева, Леча Ясаев, Сайд-Хасан Тагаев и др. Большинство из них появилось на свет в далеком Казахстане и Киргизии в середине 1950-х годов, спустя примерно десятилетие после насильственной депортации чеченского народа. Однако и период зрелой жизни этих национальных писателей был отмечен трагическими событиями – войнами, проходившими в Чечне на рубеже XX – XXI вв. Получив высшее образование в вузах СССР и Чечено-Ингушской АССР, они сформировали позже национальное сообщество выдающихся творческих деятелей – прозаиков, поэтов, драматургов, эссеистов, публицистов, переводчиков, литературных критиков, издателей, литературоведов, фольклористов. Их творчество стало явлением в истории национальной чеченской литературы и, вне всякого сомнения, может рассматриваться как литература авторов *новой волны*, ведь при всей своей яркости и неповторимости творческой индивидуальности чеченские писатели и поэты 1970 – 80-х годов были во многом близкими по духу единомышленниками, отличались стремлением к отражению жизненной правды и смелостью.

С самого начала в творчестве чеченских писателей этого периода отражались духовно-философские и художественные поиски, присущие литераторам многонациональной России, однако возникали и новые эстетические ориентиры, не характерные для национальной литературы. В их художественных произведениях создавались сюжеты и рассматривались острые жизненные проблемы, не связанные с официальной советской идеологией. В художественно-изобразительном плане неожиданно получила распространение своего рода импрессионистическая манера письма, в которой отражалась своеобразная игра «света и тени», в осмыслении событий преобладал лирический план (в том числе и в прозе), раскрывалась тема современной морали, освещались нравственно-психологические вопросы.

Годы детства и отрочества «возвращенного поколения» чеченских писателей пришлись на период так называемой «оттепели», «освежающее дыхание» которой ощущалось в первую очередь в масштабе всего СССР. В этот период для многонациональной отечественной литературы были характерны стремление авторов к личностно-творческой свободе, разнообразные инновационные поиски в тематике и проблематике произведений, жанровый, семантический и стилистический плюрализм, преодоление ограничений, стереотипов и догм советского тоталитаризма в его наиболее явных проявлениях, уход от вульгарно-идеологического регламентирования, от культа личности и теории бесконфликтности, от идеологических и мировоззренческих установок официальной пропаганды.

Общесоюзная многонациональная «оттепель» дошла до Чечни к середине 1970-х годов. Это было время «больших надежд», активных действий и энтузиазма, относительной свободы, установившейся на всем советском пространстве. Вместе с тем, в среде лучшей части национальной интеллигенции Чечни формируются протестные настроения, содержащие помимо общегражданских идей свободы и социальной справедливости еще и идеи национального возрождения. Так, именно в середине 1970-х – начале 1980-х годов в Чечне появляется поколение юных творческих «вольнодумцев» – литературное

объединение «Пхьармат» («Прометей») (1976), в которое вошли начинающие молодые поэты, прозаики и критики, пишущие на чеченском языке.

Это чеченское писательское сообщество стало центром творчества, собравшим лучшие силы талантливой молодежи для создания в Республике атмосферы духовности. Литературный союз «Пхьармат» стал школой гражданственности и нравственности для будущих писателей, поэтов, журналистов и деятелей культуры, в числе которых был Муса Бексултанов.

В период 1960 – 70-х годов в чеченской литературе на смену «производственному», «колхозному», историко-революционному роману, разного рода бытописательской прозе о «борьбе старого с новым», «хорошего с лучшим» и наоборот, приходит новая проза, в чем-то продолжающая имеющиеся национальные фольклорные и литературные традиции, но в большей степени стремящаяся к новациям, экспериментальная, весьма разноликая, типология которой достаточно условно обозначается теперь уже как проза о современности, этно-историческая, историко-романтическая, молодежная, военная и деревенская проза.

Со второй половины 1970 – 80-х годов в чеченской литературе актуальными становятся разнообразные типы художественного конфликта, построенные на различных аспектах исторического, социально-политического (в том числе классового), духовно-нравственного, психологического, поколенческого, этноконфессионального, гендерного конфликтов.

В своем дальнейшем развитии литература чеченских авторов *новой волны* найдет свое продолжение уже на другом историко-хронологическом отрезке – в литературе рубежа веков и первых полутора десятилетий XXI века, когда определит свои новые идейно-эстетические направления и выйдет на более качественный художественный уровень. Именно в настоящее время, в новых условиях постсоветского пространства определяется и тесно связанный с ней совершенно новый вектор развития национальной литературы Чечни. На этом фоне чеченской литературы XX – XXI вв. задача создания ее целостной истории приобретает все большую актуальность.

На протяжении последних десятилетий важное значение в ее развитии (наряду с другими авторами) имеет творчество Мусы Бексултанова, которого по праву можно считать одним из литературных лидеров чеченской нации. Он прошел типичный жизненный путь для людей своего поколения и во все времена – счастливые и трагичные – был со своим родным народом, со своей малой родиной. Детство его пришлось на тяжелые для Чечни годы депортации и последовавшего за этим трудного процесса реабилитации народа, восстановления нормальной жизни на руинах родного пепелища. Однако, по воспоминаниям самого Мусы Бексултанова, подлинным «лучом света» стала для многих его ровесников и земляков сельская школа села Алхазурово с настоящими учителями-профессионалами. Следующим этапом формирования личности и творческой индивидуальности Мусы Бексултанова была учеба на русско-вайнахском отделении филологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета, когда происходило открытие им широкого мира гуманитарных знаний, мировой литературы. Все это, наряду с природным талантом, и предопределило жизненную и творческую биографию Мусы Бексултанова, позволило ему найти свое призвание.

Для М. Бексултанова всегда было характерно обостренное гражданское и патриотическое чувство, обращенное и к мирному времени, и к горестным страницам национальной истории, начиная от кровавых междоусобиц и распрей эпохи феодализма, драматических событий Кавказской войны XIX века до трагических событий в Чечне уже в новейшей истории. В его духовно-нравственных и эстетических исканиях не только отражается стремление к творческому самовыражению, но и его активная жизненная позиция, человеческая искренность и гражданская прямолинейность. Этим и объясняется участие Мусы Бексултанова в разного рода общественной, публицистической деятельности Чечни, в различных национально-культурных и литературных дискуссиях. Тем более, что

для современного периода чеченской литературы характерны интенсивные поиски национальной идентичности, активное осмысление национальной картины мира и этнических образов и, в то же время, определяется роль национальной литературы в общероссийском литературном и социокультурном пространстве. С этими литературно-художественными исканиями связаны и яркие представители чеченской прозы так называемой «новой волны» (Сайд-Хамзат Нунуев, Леча Абдулаев, Муса Ахмадов, Апти Бисултанов и др.), среди них видное место занимает писатель и публицист Муса Бексултанов.

Степень изученности проблемы. Многие явления и проблемы современной литературы и публицистики Северного Кавказа достаточно всесторонне освещены в научных работах последних десятилетий. Таковы диссертационные исследования С.В. Богатыревой (2008), М.С. Ворониной (2004), О.А. Журавлевой (2008), Н.Г. Золотухиной (1998), С.И. Инаркаевой (1999), Л.Б. Маргания (1996), Л.Р. Меграбян (1999), Х.М. Мартазанова (2005) и др., в которых изучаются актуальные проблемы развития литературы и публицистики Чечни в контексте северокавказского и общероссийского литературного процесса.

Вместе с тем, степень исследования чеченской художественной литературы и публицистики в контексте литературы России в настоящее время не является достаточно полной. «Многие произведения остаются недоступными иноязычным исследователям ввиду нетранслированности с чеченского языка на русский. Те же произведения, что переведены на русский язык, публикуются по большей части в республиканской прессе – в литературных журналах «Вайнах», «Нана» и др., которые малодоступны широкому российскому читателю, так как распространяются преимущественно на территории Чеченской Республики. И лишь немногие авторские тексты чеченских прозаиков в последние три-четыре года вышли на российского читателя»[1]. В современной литературе Чечни следует отметить произведения Канту Ибрагимова, Мусы Ахмадова, Мусы Бексултанова, Лулы Куни и др.

Итоги российских и региональных собраний и конференций по проблемам культуры, литературы и журналистики Северного Кавказа отражаются в центральных периодических изданиях – в журнале «Дружба народов», в «Литературной газете» и «Литературной России», в сети Интернет (М. Ахмадов, Л. Егорова, Л. Куни, В. Медведев, Л. Теракопян и др.). В обзорах работы «круглых столов» на страницах республиканских журналов «Вайнах» и «Нана» при участии известных чеченских литераторов – писателей, ученых, публицистов (Л. Абдулаев, М. Ахмадов, М. Бексултанов, Х. Бурчаев, О. Джамбеков, Л. Жумалаева, С. Инаркаева, Г. Индербаев, А. Исмаилов, Р. Межиева, Э. Минкаилов, С. Мусаев, М. Нашхоев, Х. Туркаев, Ш. Цуруев и другие) – также освещаются проблемы национальной литературы, публицистики и критики («Чеченская литература: итоги XX в. и перспективы дальнейшего развития» (№ 6, 2004); «Великая Отечественная война в чеченской литературе. К 60-летию Великой Победы» (№ 5, 2005); «Тема войны в русской и чеченской литературе: старые проблемы в новых условиях» (№ 4, 2007); «Литературная критика. Современное состояние и перспективы развития» (2014); «Чеченская литература в постсоветский период: общая оценка, потери, приобретения, проблемы и перспективы» (№ 1, 2016).

За последние десятилетия появилось несколько кандидатских диссертаций, посвященных разнообразным проблемам истории чеченской литературы, ее поэтике и семантике, жанровой, тематической и ментальной специфике, анализу художественных текстов национальных авторов. Это научные работы С.И. Инаркаевой «Эволюция жанров

[1] Довлеткиреева, Л.М. Современная чеченская «военная» проза: историко-культурный контекст, жанровый состав, поэтика: 1990–2010 гг.: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.02 / Довлеткиреева Лидия Махмудовна. – Махачкала, 2010. – 22 с. – С.11.

малой прозы в современной чеченской литературе» (Майкоп, 2000), М.М. Губанукаевой «Фольклорное и художественное мировидение С.-Б. Арсанова в контексте формирования и развития чеченской прозы» (Майкоп, 2006), Л.М. Довлеткиреевой «Современная чеченская «военная» проза: историко-культурный контекст, жанровый состав, поэтика: 1990 – 2010 гг.» (Махачкала, 2010), Р.Б. Татаевой «Своеобразие авторской концепции в осмыслении исторических проблем в русскоязычной чеченской прозе 20-90 гг. XX века» (Махачкала, 2011), Д.С. Товсултановой «Художественная публицистика Мусы Ахмадова: особенности проблематики, структуры и поэтики» (Махачкала, 2014) З.И. Яхъяевой «Художественный мир и философия природы в творчестве Мусы Ахмадова» (Махачкала, 2014).

В частности, в диссертациях С.И. Инаркаевой (1999), Л.М. Довлеткиреевой (2010) определяются специфические особенности литературного и публицистического творчества М. Бексултанова, проводится анализ отдельных вопросов поэтики, проблематики некоторых художественных произведений, рассматривается идейно-тематическое новаторство. В докторских диссертационных исследованиях Х.В. Туркаева «Зарождение и становление реализма в чеченской и ингушской литературе (60-е годы XIX века – 40-е годы XX века)» (Тбилиси, 1984), Т.Б. Джамбековой «Роль фольклора в эволюции чеченской прозы XX века» (Майкоп, 2010) и О.А. Джамбекова «Место фольклора в системе мировидения, литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности чеченских писателей XX века (проза Магомета Мамакаева, Абузара Айдамирова, Шимы Окуева) (Махачкала, 2016) также затрагиваются отдельные аспекты творчества М. Бексултанова.

Различным проблемам прозаического творчества М. Бексултанова посвящены статьи чеченских литературоведов Х. Дамбаева «Нравственность как наивысшая форма человечности в прозе М. Бексултанова» (2008), Л. Довлеткиреевой «Современная чеченская проза как источник этноментальных знаний» (2012), М.В. Исмаиловой и З.А. Багаева «Поэтика прозы М. Бексултанова (философия символа)» (2014), Х. Юсуповой «О проблеме сакрального в рассказе Мусы Бексултанова «Дом по наследству» (2009), Э.С. Минкаилова «Общечеловеческие проблемы в прозе М. Бексултанова» (2008), М. Гайтукаевой «Тема семьи в прозе Мусы Бексултанова» (2015) и др. Вместе с тем, существующие исследования не содержат концептуального литературоведческого анализа художественной прозы Мусы Бексултанова, а степень изученности проблем творчества не достигла желаемой полноты, содержательности и необходимых научных результатов. В связи с этим актуальной становится проблема специфики духовно-нравственных и эстетических исканий и отражения их в художественной прозе чеченского писателя.

Актуальность исследования обусловлена теоретико- и историко-литературными причинами: малоизученностью проблемы отражения духовно-нравственных и эстетических исканий в художественной прозе одного из представителей чеченской литературы Мусы Бексултанова, а также связанных с ней вопросов – поэтики и проблематики прозаических произведений.

Творчество одного из крупнейших чеченских писателей М.Э. Бексултанова принадлежит к числу наиболее ярких феноменов национальной литературы рубежа XX – XXI вв. В нем сконцентрированы многие ключевые проблемы истории и современности, традиции и новаторства, национального и общечеловеческого. Острота нравственной проблематики, отражение пересечений и конфликтов добра и зла, жизни и смерти, правды и лжи, чести и бесчестия, веры и безверия, утверждение и сохранение принципов традиционной народной культуры, исконной морали, духовно-религиозных ценностей, родного языка являются неотъемлемой сутью писательского мировоззрения, его художественной идеологии и антропологии. Анализ прозы Бексултанова позволяет выявить истоки его творчества и определить в нем национальные художественные традиции, показать новаторство писателя в аспектах его духовно-нравственных и

эстетических исканий и установить его вклад в национальную, северокавказскую и общероссийскую литературы.

Объект исследования – художественная проза: повести и рассказы, притчи, публицистические, эссеистические произведения М. Бексултанова 2000 – 2010-х годов, изданные на чеченском и русском языках.

Предмет исследования – специфические особенности духовно-нравственных и эстетических исканий М. Бексултанова, нашедшие отражение в его художественной прозе и оказавшие влияние на современную чеченскую литературу.

Цель диссертационной работы – на основе научной литературоведческой позиции представить концептуальный анализ художественной прозы и особенностей ее отражения в духовно-нравственных и эстетических исканиях современного чеченского писателя Мусы Бексултанова.

Для достижения исследовательской цели решаются следующие **задачи:**

- изучить творческую биографию писателя, дать характеристику его личности и творчества;
- рассмотреть основные направления литературно-публицистической деятельности чеченского писателя;
- проанализировать эстетические взгляды М. Бексултанова, касающиеся проблем национальной литературы и критики, родного языка;
- выявить и изучить проблемы художественного творчества в системе духовно-нравственных и эстетических исканий М. Бексултанова;
- исследовать особенности поэтики и проблематики художественной прозы, осветить духовно-нравственные поиски автора в ее контексте;
- изучить особенности художественной и духовно-нравственной генерации национальной идентичности в прозе;
- рассмотреть способы художественно-гуманистического осмысления темы детства в рассказах М. Бексултанова;
- раскрыть этносоциальную и этическую проблематику на примере рассказа «Блаженный из нашего села».

Теоретическую базу диссертационной работы составляют литературоведческие труды российских, северокавказских и чеченских исследователей С.С. Аверинцева (1996), М.М. Бахтина (1975), В.М. Жирмунского (1974, 1979), Л.А. Бекизовой (1974), Г.Г. Гамзатова (1978), И.А. Есаулова (1978), К.К. Султанова (1989, 1993,1996, Х.В. Туркаева (1968, 1973, 1978, 1983, 1984), Т.Б. Джамбековой (1999, 2001, 2002, 2009, 2010, 2012), Э.С. Минкаилова (2007, 2008, 2010), О.А. Джамбекова (1999, 2002, 2008, 2009, 2010), С.И. Инаркаевой (1999, 2001), М.М. Губанукаевой (2006), Р.Б. Татаевой (2007, 2011), Л.М. Довлеткиреевой (2010, 2012, 2014) и др., посвященные проблемам теории и истории литературы, вопросам поэтики, семантики художественной прозы и публицистики, обращенные к различным жанрово-тематическим и национальным аспектам развития литературы Чечни, в частности – исследованию творчества Мусы Бексултанова.

Методологическая основа диссертационного исследования обеспечивается опорой на основные методы исследования: историко-генетический, историко-культурный, мифологический, типологический, теоретического целостного анализа художественного текста и рецептивной поэтики, системно-структурный, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые проводится анализ идейно-художественной специфики и поэтики художественной прозы М. Бексултанова в связи с его духовно-нравственными, философскими, художественными исканиями в творчестве. Изучение прозы чеченского автора позволяет выявить основные аспекты его творческих поисков, установить ценностную систему его эстетических и социальных взглядов, определить новаторский подход писателя и его вклад в национальную, северокавказскую и общероссийскую литературы.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Творчество писателя и публициста Мусы Бексултанова представляет собой заметное явление в современной чеченской литературе и относится к направлению так называемой «новой волны» национальной литературы второй половины XX века и первой половины XXI века. В творческой биографии чеченского автора нашли отражение разнообразные литературные и эстетические искания, связанные с национальными фольклорными, эпическими и культурными традициями, с освоением художественных систем мировой, русской и национальных литератур России, с поисками духовно-нравственных ценностей, с философским познанием действительности.

2. Художественное мировоззрение, эстетические взгляды Мусы Бексултанова сформированы на основе его активной творческой и гражданской позиции и связаны с анализом современного литературного, литературоведческого и литературно-критического процесса в Чечне, с рассмотрением вопросов сохранения родного языка, развития национальной литературы и культуры.

3. В системе эстетических исканий М. Бексултанова особое место занимают проблемы художественного творчества и писательского труда. В его прозе и эссеистике отражаются вопросы назначения литературы и писателя, творческой свободы и ответственности автора. При всей самобытности и оригинальности прозы, не лишенной влияния экзистенциализма, сюрреализма и постмодернизма, Бексултанов опирается в основном на традиции классической русской и зарубежной литературы.

4. Концепция мира и человека Мусы Бексултанова многопланова и многозначна. Внутренняя близость и единство прозы и литературной публицистики писателя проявляется во многом – в авторской позиции, в духовно-нравственных и эстетических исканиях, в гражданском пафосе, в стилистике и эмоциональном изложении. Духовно-нравственная позиция автора сформирована под влиянием религиозных принципов Ислама и национального чеченского этического кодекса *Нохчалла*, тех моральных ценностей, которые веками вырабатывались и утверждались в неписаных законах индивидуального и общественного поведения. В художественной прозе Мусы Бексултанова, как и в его публицистике и автобиографистике, совершается открытое многоаспектное утверждение национальной идентичности, системы этнических духовных и нравственных ценностей.

5. Художественная проза Мусы Бексултанова опирается на представления о национальном менталитете, на этническую фольклорно-литературную традицию, она обращена к духовно-нравственному богатству, к поэзии, повседневному быту и природе чеченского народа.

6. Прозе Мусы Бексултанова присуща притчеобразность, наличие мифологем и идеологем, знаменующих одновременно связь с традицией русской и национальной литературы и с тенденциями постмодернизма. Чеченский автор создает в произведениях разностороннюю и дифференцированную типологию образов, основанную на бинарных оппозициях: естественный, природный человек – человек постиндустриального, общества; романтик – прагматик; мужчина – женщина; семьянин – холостяк; ребенок – старик; творческая личность − бездуховный функционер.

7. Острый и непримиримый конфликт добра и зла в духовно-религиозной и нравственно-психологической концепции мира и человека, реализуемый в прозе Мусы Бексултанова, неизбежно формирует в этической и эстетической системе его творчества категорию трагизма, категорию «страдания» в их разнообразных проявлениях.

8. Большинство обозначенных общечеловеческих и художественных проблем декларируется и рассматривается писателем как в форме художественного текста с использованием понятия художественного вымысла и поэтической условности, так и в режиме диалога, дискуссии, что неизбежно приводит к развитию в творчестве М. Бексултанова большого пласта внехудожественных жанров литературной словесности, лежащих на пересечении образа и понятия, мысли и чувства, поэзии и правды.

9. В антропологической концепции Мусы Бексултанова большое место занимает проблема семьи, отцов и детей, а также – тема детства, проблема воспитания как важнейшего фактора дальнейшей судьбы каждого человека.

10. Экзистенциальное начало, присущее всему творчеству М. Бексултанова, получает своеобразное воплощение в рассказе «Блаженный из нашего села». В его содержательной форме можно выявить различные тенденции новейшей мировой литературы XX – XXI вв., в частности, признаки экзистенциализма, литературы «потока сознания», постмодернизма с их внешне «отстраненной» функцией автора, бессюжетностью повествования, скрытыми смыслами.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что в ней впервые рассмотрены основные аспекты поэтики и проблематики художественно-публицистической, эссеистической и собственно художественной прозы Мусы Бексултанова в контексте современного чеченского литературного процесса, а также вопрос отражения духовно-нравственных и эстетических исканий автора в его прозаических произведениях.

Практическая значимость исследования состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при чтении лекционных курсов по истории литературы народов РФ, по истории чеченской литературы в вузах. Материалы и выводы диссертационной работы могут быть применены для разработки спецкурсов, спецсеминаров, посвященных проблемам современной национальной прозы Северного Кавказа и межнациональным литературно-творческим связям.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования, выносимые на защиту, были представлены в докладах на международных, межвузовских, республиканских, региональных, всероссийских научно-практических конференциях в Грозном (2013, 2014), в Майкопе (2016 – 2018).

Диссертация обсуждалась на кафедре литературы и методики ее преподавания Чеченского государственного педагогического университета.

Различные аспекты проблематики диссертационного исследования нашли отражение в 6 научных работах, из них 3 – в изданиях, включенных в Перечень ВАК.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух исследовательских глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во Введении установлены квалификационные позиции исследования, представлен обзор научно-критической литературы, выявляется степень изученности темы, обосновываются актуальность и новизна, формулируются цель и задачи, выдвигаются теоретические положения, выносимые на защиту, характеризуются теоретико-методологические принципы, мотивируется теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Творческая биография и эстетические взгляды Мусы Бексултанова», состоящей из трех параграфов, рассматривается творческий путь чеченского писателя и публициста М. Бексултанова, дается характеристика его разносторонней личности и творчеству, анализируются проблемы национальной литературы, критики и родного языка, художественного творчества и писательского труда в системе его духовно-нравственных и эстетических поисков.

1.1. Личность писателя и этапы творческой деятельности.

В ряду поколения чеченских писателей 1970 – 80-х гг. достойное место занимает народный писатель Чеченской Республики Муса Эльмурзаевич Бексултанов. С 1987 года он является заместителем главного редактора детского журнала «СтелаIад» («Радуга»), а с 2007 года его главным редактором.

Прозаические произведения М. Бексултанова, объединенные новым для чеченской литературы лирико-философским и автобиографическим содержанием, с 1980 года печатаются в периодических издания и коллективных сборниках.

Основные художественно-эстетические взгляды Мусы Бексултанова определяются несколькими ведущими и наиболее важными для него проблемно-содержательными направлениями:

1) проблематика, связанная с этнокультурным полем, пространством, которая наиболее глубоко и всесторонне осмысливается чеченским автором в плане вопросов многообразного функционирования родного языка как основного фактора и одновременно продукта выражения национального самосознания;

2) размышления-установки писателя о литературе, связанные с читательским ее восприятием, с конкретными вопросами литературной теории и истории, с творчеством представителей национальной, русской и мировой литературы, с формированием собственной литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности автора;

3) различные аспекты, проблемы и вопросы развития национального литературоведения и критики;

4) мемуарно-автобиографическое направление творчества, тесно и непосредственно связанное с двумя обозначенными выше установками, являющимися средством выражения индивидуальной, независимой, психологически обусловленной авторской точки зрения.

Все отмеченные формы художественно-эстетического дискурса М. Бексултанова обозначаются в формах писательского диалога, монолога и интервью, в которых обнаруживаются элементы жанров публицистики – очерка, литературного портрета, эссе и зарисовки. Автобиографическое и мемуарное содержание заключается писателем именно в эти вышеназванные формы, которые предполагают импровизационные, спонтанные, непосредственные типы и способы выражения рационального и эмоционального мышления.

Для Мусы Бексултанова литература – это и жизнь, и вымысел. Он писал о том, что видел вокруг, но часто обобщал, корректировал: «Обратил на себя внимание с первого дня прихода в литературное объединение «Пхьармат» – своим отношением к литературе, литературному творчеству, – говорит его друг и коллега Муса Ахмадов. – В то время он много читал и впитывал в себя опыт писателей предыдущих поколений – не только чеченских, но и многих известных русских, французских, английских, американских и латино-американских»[2].

Поиски Мусой Бексултановым, как и целым рядом его соратников и коллег, проявлений в реальной жизни признаков национальной идентичности и особого духовного и культурного кода, приводит его к значительным нравственно-психологическим и эстетическим открытиям в области художественного содержания и художественной формы.

Творческие искания чеченского писателя Мусы Бексултанова связаны с философско-эстетическим постижением национальной идеи, с возращением к этно-социальным корням и возрождением генетической культурной памяти. В его художественных и публицистических текстах, как и в произведениях других писателей его поколения, идейно-художественные и жизненные проблемы не только декларируются с использованием художественного вымысла, поэтической условности, но рассматриваются и в режиме диалога, дискуссии, что неизбежно приводит в развитию в их творчестве большого пласта внехудожественных жанров литературной словесности, лежащих на пересечении образа и понятия, мысли и чувства, правды и фантазии, прозы и поэзии.

---

[2] Сайт «Грозный без формата» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grozniy.bezformata.ru/listnews/rodom-iz-detstva/39650651/ (дата обращения: 04.08.2019).

1.2. М. Бексултанов о проблемах национальной литературы, критики и родного языка.

Мировоззрение, творческая и гражданская позиции Мусы Бексултанова раскрываются в его отношении к национальной литературе и к родному языку, к вопросам развития современного литературного, литературоведческого и литературно-критического процесса Чечни. В 2014 году в редакции журнала «Вайнах» прошел круглый стол на актуальную тему «Состояние современной чеченской литературной критики и литературоведения и пути их развития». В ходе дискуссии прозвучали различные оценки современной литературной ситуации в республике. Муса Бексултанов продемонстрировал диалектический, психологически аргументированный подход к литературным явлениям и к происходящим процессам. В заостренной, категоричной, но и максимально убедительной форме он преподает несколько уроков того, какой функционально должна быть современная литературная критика, каковы ее конкретные задачи, особенно в национальном регионе, имеющем новописьменную традицию.

Проблемы особенностей литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности писателя являются одними из ведущих в литературно-критической публицистике и эссеистике Мусы Бексултанова. Творческий процесс оценивается им как процесс очень ответственный и напряженный. Главными критериями подлинного художественного произведения и настоящего автора Муса Бексултанов считает его «собственный стиль, ритм, душу».

Значимыми в литературно-критической деятельности М. Бексултанова являются вопросы бытования и сохранения чеченского языка как важнейшей части национального культурного наследия. Вместе с тем, необходимо отметить, что довольно большой объем литературно-критических и публицистических текстов, диалогов и интервью М. Бексултанова создан им на русском языке, что говорит о билингвизме писателя. Следовательно, ратуя за чистоту родного языка, писатель не остается на позициях этнокультурной изоляции, а весьма активно включается в разные формы диалогизма и кросс-культурной коммуникации.

В формате художественной публицистики Муса Бексултанов предстает как человек и писатель с неравнодушным и обостренным восприятием многих проблем, с обеспокоенностью и высоким нравственным мерилом, человеческой и писательской совестью. О чем бы, в какой ситуации и по какому бы поводу ни высказывался Муса Бексултанов, все у него сводится к единой цели – борьбе за судьбу своего народа, за его культурно-духовное взросление, за этнокультурное развитие, важнейшим основой которого выступает родной язык.

Писатель воспринимает и осмысляет родной язык в контексте и других форм общественного сознания, в частности фольклора, который для него является и первоисточником, и вспомогательным материалом. Мусу Бексултанова глубоко тревожит судьба родного языка, утрата его своеобразия. По его мнению, точнее, убеждению, одним из важнейших способов спасения родного языка является художественное словесное творчество, особенно актуально воспринимаемое им в контексте редактирования детского журнала «Радуга». Писатель уверен, что чистота родной речи – залог чистоты людских помыслов. И одновременно для него язык – это отражение национальной картины мира, национального характера.

Муса Бексултанов вводит читателя в свою творческую лабораторию, анализируя языковую сторону своей художественной прозы, сам процесс ее создания. У чеченского писателя довольно сложное, несколько противоречивое и неоднозначное отношение к русскому языку и культуре. С одной стороны, он ратует за сохранение родного языка и выражает беспокойство по поводу замены его ресурсов на ресурсы русского языка. Но, с другой стороны, сам Муса Бексултанов всегда отмечает важность русского как языка посредника, языка межнационального общения, необходимого для диалога литератур и культур. Он не может не осознавать того, что вся русская и мировая классика пришла к

нему, как и ко всем чеченским читателям, именно через русский язык художественной литературы. Характерно и то, что большой объем литературно-критических и публицистических текстов М. Бексултанова, особенно устных текстов – диалогов и интервью – создан им также на русском языке.

1.3. Проблемы художественного творчества и писательского труда в системе духовно-нравственных и эстетических поисков.

В художественно-публицистической прозе Мусы Бексултанова остро и открыто освещается его духовно-нравственная, литературно-эстетическая, гражданская и патриотическая позиции.

Следует отметить, что публицистическая деятельность М. Бексултанова тесно переплетается с его литературно-критическими взглядами, наблюдениями и размышлениями, дополняя и обогащая друг друга. В его эссеистике глубоко и всесторонне отражены вопросы метапоэтики, процесса литературного и в целом художественного творчества. Здесь также ставится и анализируется проблема назначения литературы и писателя, его творческой свободы и ответственности, конкретного адресата прозы. При всей самобытности и оригинальности его прозы, не лишенной влияния постмодернизма, экзистенциализма, сюрреализма, он всегда опирается на духовные ценности, на этническую, фольклорную литературу, на русскую и мировую классику.

М. Бексултанов зачастую размышляет о себе, своей литературной судьбе, о своих «духовных башнях». Писатель ставит острый в нравственном отношении вопрос об идентичности мировоззрения и метода, о соотношении в литературном тексте этического и эстетического начал, считая, что «автора можно узнать по произведениям, как бы он ни маскировался», отмечая, что иные, «особенно среди наших – виртуозные мастера перевоплощения. Писать о благородстве, кричать о мужестве, верности, о каких-то высоких идеалах, а быть самому лицемером – это страшно»[3].

Говоря о другой важной проблеме литературного взросления – о литературных связях и влияниях, Бексултанов подчеркивает несколько этапов своего литературного образования и становления, связанных, по его мнению, с воздействием классиков мировой литературы – Г. де Мопассана, И.С. Тургенева, И.А. Бунина, О. Бальзака, Э. Хемингуэя, И. Андрича, Х.-Л. Борхеса и др.

Писатель анализирует психологические аспекты процесса творчества – тернистый путь от замысла к сюжету, к характеру и к художественной образности: «Я пишу очень трудно, вернее я ношу рассказ в душе месяцами и даже годами, столько и мучаюсь. Иногда сюжет дарит какое-то мгновение, ну, скажем, взгляд женщины, ее походка, смех, а там ты развиваешь дальше»[4].

Как справедливо отмечает С.-Х. Кацаев, в книгах М. Бексултанова существует разнообразная символика. Чаще всего этот образ-символ выступает как «источник доброты, чистоты и веры; неприятие всего фальшивого, безнравственного»[5]. Постоянство данного образа связано с мировосприятием писателя и является осознанным художественным приемом.

Говоря о самой технике написания рассказа, Муса Бексултанов обращает внимание на ассоциативно-образный принцип творческого процесса, при котором ему далеко не сразу требуются кабинет и рабочий стол. Замысел произведения писатель длительное время напряженно «носит в голове», где бы он ни находился. В устной форме автор доводит каждый текст до последней точки и лишь потом садится писать.

Интересно само структурное построение работы М. Бексултанова. По его словам, он создает сначала финал, и не один, а, как правило, несколько вариантов. Затем уже им

---

[3] Кацаев, С.-Х. Язык – это религия. Интервью М. Бексултанова [Электронный ресурс] / С.-Х. Кацаев. – Режим доступа: http://www.proza.ru/2011/10/12/1692 (дата обращения: 25.10.2015).

[4] Там же.

[5] Там же

находится первая фраза, затем – последующие. Писатель признается, что никогда не работает по заведомо созданному плану, который зачастую может только сковывать и ограничивать свободу художника, объясняя это особой логикой поиска материала и словесного выражения своей задачи. Он пишет посредством образной формы, построенной с помощью сравнений, метафор и олицетворений.

Духовная основа творчества у М. Бексултанова – это не некий идеализированный и мифологизированный патетический образ, отвлеченный и стереотипный символ «поэтического вдохновения», а напряженный и прекрасный, «счастливый труд души». Говоря о других особенностях своей индивидуальной творческой манеры, Муса Бексултанов признается, что он в своем творчестве не склонен создавать большие блоки, как у Толстого, Фолкнера и Маркеса.

М. Бексултанов дает собственную трактовку той жанровой конструкции, которая ему наиболее близка, отмечая, что рассказ – наиболее трудный жанр, особенно для чеченского писателя. Он справедливо констатирует, что в литературе Чечни практически нет разработанной традиции рассказа, она имеется лишь «в устном наречии у мудрых и глубоких стариков. То, что мы пишем – это не рассказы, а только попытки приблизиться к рассказу»[6]. Ориентиром для себя в этом плане писатель считает такие, например, «доподлинно законченные, выверенные рассказы, как “Во сне ты горько плакал” Юрия Казакова, “Мост на Джепе” Иво Андрича, “Снега Килиманджаро” Хемингуэя, “Круги руин” Борхеса»[7].

Таким образом, размышления Мусы Бексултанова о литературе и ее назначении неизбежно переходят в разряд размышлений онтологического, религиозно-философского характера. В своей сопоставительной трактовке Священных Писаний трех мировых религий чеченский писатель находит больше вопросов, чем ответов и выходит за границы их догматического толкования. Писатель рассматривает и анализирует нравственный смысл священных текстов не как догматик и ортодокс, а как ищущий и вдумчивый, но одновременно искренне и глубоко верующий человек, имеющий прочные духовно-нравственные устои: «Я только в этом вижу причину всех войн: в отсутствии веры, истинной веры, веры в одного Создателя всех и вся… Мы, наверное, пишем хотя бы для того, чтобы спасти одного человека или самого себя от мерзости, лицемерия и нелюбви к человеку»[8]. По мнению Мусы Бексултанова, для этого писателю необходимо настоящее мужество, которое заключается в том, чтобы «писать правдиво, быть похожим на себя, жить своей жизнью…»[9].

Во **второй главе «Поэтика и проблематика художественной прозы Мусы Бексултанова»**, состоящей из четырех параграфов, исследуются духовно-нравственные искания в контексте прозы, рассматриваются проблемы художественной и духовно-нравственной генерации национальной идентичности, художественно-гуманистического осмысления темы детства, этносоциальная и этическая проблематика в повестях и рассказах чеченского автора.

2.1. Духовно-нравственные поиски в контексте прозы .

В творчестве Мусы Бексултанова соединяются художественные и публицистические жанры, образные и прагматические размышления, рациональные и эмоциональные выводы. Неравнодушие к непростой судьбе чеченского народа, к сохранению его духовного и культурного наследия постоянно побуждает писателя к активному творчеству, поэтому не только публицистика, но и проза писателя, обладающая всеми яркими родовыми признаками: наличием вымысла, художественной условностью и типизацией, в разной

---

[6] Кацаев, С.-Х. Язык – это религия. Интервью М. Бексултанова [Электронный ресурс] / С.-Х. Кацаев. – Режим доступа: http://www.proza.ru/2011/10/12/1692 (дата обращения: 25.10.2015)

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

степени автобиографична. Произведения М. Бексултанова конкретно и непосредственно ориентированы на его личный опыт, на достоверные факты его биографии, естественно подвергнутые им художественной интерпретации, обобщениям, но сохраняющие явное наличие авторской позиции, ее нравственные и духовные константы.

В свою очередь, публицистика Мусы Бексултанова обладает признаками художественной эссеистики, интеллектуальной прозы и имеет, несомненно, признаки и способы метафоризации художественного мира. В ней так же, как и в прозе писателя, происходит утверждение принципов гармонии, красоты и добра.

Концепция мира и человека Мусы Бексултанова многопланова и многозначна. Внутренняя близость и единство прозы и литературной публицистики писателя проявляется во многом – в установленной авторской позиции, в духовно-нравственных и эстетических исканиях, в гражданском пафосе, в стилистике и эмоциональном изложении. В художественной прозе Мусы Бексултанова, как и в его публицистике и автобиографистике, совершается открытое многоаспектное утверждение национальной идентичности, системы этнических духовных и нравственных ценностей.

Прозаическое творчество Мусы Бексултанова опирается на представления о национальном менталитете, на этнические фольклорно-литературные традиции, оно обращено к духовно-нравственному богатству, к поэзии, повседневному быту и природе чеченского народа. Поэтому столь актуальны для него как для человека и писателя объективные и в то же время эмоциональные произведения его соотечественников и старших собратьев по перу − Магамета Мамакаева, Абузара Айдамирова, Шимы Окуева, − написанные на историческую тематику.

При этом творчество чеченского автора несет на себе печать оригинальности, «непохожести» на произведения предшественников, нестандартности как идейно-художественного содержания, так и жанровой формы произведений. Художественная проза Мусы Бексултанова представлена различными средними и малыми жанровыми формами - повестью, рассказами, миниатюрой, эссе. В определении данных жанров ведущим принципом является по преимуществу лишь наличие объема текста, связанного с содержанием, с проблематикой, с компонентами сюжета, с образами и характерами действующих лиц. При этом сама идейно-художественная суть, качественное наполнение различных произведений прозы при всем их богатстве, яркости и многообразии везде остаются практически неизменными – в плане системы художественного мышления и мировидения, стилистики и образности. Следует отметить, что это характерная особенность всей мировой прозы XX – XXI веков – с ее размыванием жанровых и тематических границ, художественных «берегов» с экзистенциальным восприятием и воспроизведением реальности как происходящей «здесь и сейчас», с эквивалентным воссозданием самой стихии жизни вне ее деления на некие рубрики, темы, проблемы и стили. В прозе Бексултанова появляется тот самый «новый реализм», реализм «без берегов», который является частью постмодернизма. Его произведениям присущи притчеобразность, наличие мифологем и идеологем, знаменующих одновременно и связь с реалистической традиции с постмодернистскими тенденциями.

Муса Бексултанов – это писатель Чечни, сумевший воспринять и отразить исторически сложившиеся духовные традиции этноса. Он осознает, что чеченский народ не может жить без идеалов и без прошлого, но в то же время демифологирует и десакрализирует отдельные национальные стереотипы, например переосмысляет концепцию личности мужчины-горца с его традиционными этническими и духовно-нравственными принципами. Анализируя мировоззрение и творчество Мусы Бексултанова, можно определить его главный принцип как «национальное трактование национального». Писатель словно передает «обнаженный нерв», «пульс времени», выражает острое и непримиримое ко всем формам и проявлениям зла начало, при этом всесторонне разрабатываются бинарные оппозиции «добро − зло», «свобода − несвобода» и др. Антропологическая концепция творчества реализуется писателем через всестороннее

художественное и психологическое выявление, сопоставление таких архетипов, как «детство – старость», «мужское – женское».

Проза Мусы Бексултанова отличается бескомпромиссностью гражданских и художественных идей, которые проявляются в разных типах конфликта, присутствующих в его произведениях – идейных, социальных, философских, межличностных, внутриличностных, гендерных, межпоколенческих (возрастных). В текстах писателя встречаются скрытые реминисценции, отсылающие к тем авторам, которых он открыл для себя еще в студенческие годы и которым остался верным спустя годы. Иными словами, М. Бексултанов отражает в прозе не конфронтацию взглядов, идей и мнений, а конструктивный диалогизм.

В творческой индивидуальности Мусы Бексултанова раскрывается образный талант писателя. В его развернутых бытовых описаниях преобладает эпический тон, ощущается проникновенно-сентиментальный лиризм. Все прежние основные качества таланта Бексултанова совершенствуются, но доминирующим становится трагическое начало, и именно оно лежит в основе многих его произведений.

Художественный стиль чеченского писателя привлекает читателя своей эмоциональной насыщенностью и позволяет отразить радость и трагедию, счастье и страдания. За кажущимся простосердечием и искренностью прозы М. Бексултанова стоит, однако, «стихия глубокомыслия». Авторское слово, насыщенное образами, поражает своей точностью, свежестью, яркой выразительностью и убедительностью. Из-за большой словесной концентрации стиль М. Бексултанова поначалу не кажется ясным и «прозрачным» и требует от читателя вдумчивого погружения в смысл событий и поступков героев. Вместе с тем, стилистика его описаний отличается ясным, доступным языком, в котором передано исключительное лексическое, синтаксическое и фразеологическое богатство и сохраняется индивидуальная творческая манера, глубина авторской мысли.

2.2. Художественная и духовно-нравственная генерация национальной идентичности в прозе Мусы Бексултанова.

Духовно-нравственная позиция автора сформирована под влиянием религиозных принципов Ислама и национального чеченского этического кодекса *Нохчалла*, тех моральных ценностей, которые веками вырабатывались и утверждались в неписаных законах индивидуального и общественного поведения. В художественной прозе Мусы Бексултанова, как и в его публицистике и автобиографистике, всегда утверждается национальная идентичность, система этнических духовных и нравственных ценностей.

Муса Бексултанов убежден в том, что в мире людей превыше всего должна быть духовность, которая побуждает каждого быть на своем месте, испытывать чувство ответственности за происходящее, умение отвечать за свои слова, дела и поступки. Для национального писателя понятие *Нохчалла*, чеченский кодекс чести *Къонахалла* священны и являются основой национальной самоидентификации, отражающей духовно-нравственную тысячелетнюю связь времен и поколений, а также этническую идеологию нахов, во имя которой надо жить и бороться.

Национальное духовно-нравственное начало лежит в основе повести М. Бексултанова «Далекие берега реки жизни», имеющей автобиографический характер. Композицию произведения составляют две части. Первая часть имеет ретроспективный характер, и в центре ее находится рассказчик, от лица которого ведется повествование, и отец рассказчика, монологи которого пересказываются. Размышления героев обращены к традициям прошлого, к фольклору вайнахов, они раскрывают красоту и ценность традиционной чеченской культуры воспитания. В свою очередь яркое и убедительное воспроизведение впечатлений, чувств усиливает воспитательную силу произведения М. Бексултанова.

В своем произведении М. Бексултанов культивирует чеченский духовно-исторический этнофеномен *Къонахалла*, на котором строится концепция национального

сознания и самосознания. Писатель описывает национальную ментальность и раскрывает мировоззрение вайнахов, основанные на чеченском идеале *къонах*.

Художественный и духовно-нравственный анализ системы воспитания в чеченской семье позволяет ему отметить отличительную особенность этой системы – доминирование в ней формирования нравственных и волевых качеств. Таков, например, эпизод, когда отец глубокой ночью отправляет 15-летнего сына далеко в горы.

Автор отражает один из жестких способов воспитания, который применяет отец к сыну-подростку. Подобный поступок отца по отношению к сыну можно трактовать как обряд инициации, который выдержан, отчасти, в традициях существовавшего у многих народов обычае, знаменующем переход от детства или юношества к взрослому возрасту, переход в самостоятельную жизнь, происходящий посредством сильного стресса, религиозного либо эмоционального переживания. Здесь в очередной раз в прозе Мусы Бексултанова описывается явление, близкое к катарсису – когда происходит возмужание, укрепление растущей личности и, следом, своеобразное ее озарение через страдание.

На основе мнения Л.М. Довлеткиреевой можно утверждать, что «в художественной форме М. Бексултанов представляет чеченские нравственно-этнические ценности, выраженные в таких традиционных категориях, как *иман* (религиозность), *яхь* (соревновательность в достойных делах), *маршо* (свобода), *собар* (терпимость), *сий* (честь) и др.»[10].

Для М. Бексултанова примеры *Къонахалла* и *Нохчалла* представляются проявлением благородства чеченского характера. По его мнению, главное – не терять человеческого достоинства, не поддаваться соблазнам, тщеславию, не падать духом. Этому учит отец сына в его повести, так испокон веков воспитывал истинный вайнах своих сыновей, развивая в них прочные задатки рыцаря, дипломата, мужественного заступника и щедрого, надежного товарища. Писатель выступает против обесценивания этнокультурных и духовно-нравственных явлений и понятий в погоне за славой, честолюбием, нездоровой кичливостью и конкурентностью.

В своей художественной прозе Муса Бексултанов создает разностороннюю и дифференцированную типологию образов. Можно установить архетипы, присутствующие в произведениях Бексултанова и образующие бинарные оппозиции, с помощью которых осуществляется духовно-нравственная генерация национальной идентичности:

- естественный, природный человек – человек постиндустриального, современного общества;
- романтик – прагматик;
- мужчина – женщина;
- семьянин – холостяк;
- ребенок – старик;
- творческая личность художника – бездуховный человек-функционер.

В созданных образах Муса Бексултанов показывает сочетание признаков национального и общечеловеческого в качестве гармоничного равновесия. Персонажи его прозы – это, в основном, современники писателя, герои непридуманных историй, представители разных сословий, возрастов, родов деятельности, характеров, нервно-психологических и гендерных типов и характеров, предки которых, земледельцы и скотоводы, веками, в сложнейших условиях вырабатывали максимально возможный и целесообразный уклад физического и духовно-нравственного существования.

Художественно-эстетически исследуя и утверждая положительные духовно-нравственные ценности, прямо или косвенно писатель осуждает такие человеческие

---

[10] Довлеткиреева, Л. Война в Чечне: параллельный взгляд изнутри [Электронный ресурс] / Л.М. Довлеткиреева. – Режим доступа: http: // www.nana-journal.ru/states/litr/124-the-war-in-chechnya.html (дата обращения: 12.05.2019).

пороки, как гордыня, тщеславие, алчность, зависть, гнев, чревоугодие, лень, уныние и другие, которые отвергаются в любой традиционной этической системе. О сломе, а иногда и уничтожении национальных устоев М. Бексултанов пишет в своих рассказах «Старый тулуп» (1981), «Этого он не знал» (1984 – 86), «Весы» (1991) и др. Переживая о теряющихся в современном мире национальных традициях, писатель осуждает социальные процессы, которые влияют на семейные и общечеловеческие ценности, культивируемые *Къонахалла* и *Нохчалла,* и разрушают их. Острый и непримиримый конфликт добра и зла в духовно-религиозной и нравственно-психологической концепции мира и человека, реализуемой в прозе Мусы Бексултанова, неизбежно формирует в этической и эстетической системе его творчества категорию трагизма, категорию «страдания» в их разнообразных уровнях и проявлениях.

Категория «страдания» в понимании Мусы Бексултанова не является проявлением слабости. Способность человека, этноса, страдать и с достоинством нести бремя жизненных испытаний, выполнять свой высокий долг, сохранение веры и верности, несмотря ни на какие препятствия и испытания, – это, в представлении писателя, есть настоящая сила и достоинство. Одной из морально-психологических доминант творчества Мусы Бексултанова является все же глубоко личное, острое и почти не прекращающееся трагическое чувство – чувство горя, боли, беды, обиды, несправедливости за судьбу своей многострадальной родины и народа, за судьбу каждого отдельного человека – от младенца до старика (рассказы «Старый тулуп», «Весы», «Неправда же, неправда!», «И смерти сладостная боль» и др.)

Можно предположить, что в этом нравственно-психологическом состоянии и настрое чеченского писателя в какой-то мере проявляются отдельные признаки того, что получило обозначение «посттравматический синдром». Родившийся в изгнании, впитавший с молоком матери ощущение трагических испытаний своей нации, психотравмирующих ситуаций, он, несомненно, тяжко переносит это бремя. Данное состояние для всех его соотечественников было усугублено также и трагическими событиями, связанными с периодом уже новейшего времени – рубежа веков – так называемых «первой» и «второй» чеченских кампаний. Описание тяжелой жизни человека в охваченном военными действиями городе представлено в рассказе «И кто постучится в дверь твою в ночи…».

Будучи на первый взгляд по преимуществу традиционалистом, Муса Бексултанов, тем не менее, не идеализирует прошлое, поскольку приходит к глубокому пониманию того, что стереотипы прошлого, глубоко сидящие в генетической памяти, порой мешают жить настоящим. И в то же время автора глубоко тревожит проблема исторического и нравственного беспамятства, той самой легковесной «забывчивости», которая уничтожает личность, род, этнос, народ. Писателю и его героям, несмотря ни на что, присуща способность философски относиться к диалектическому соотношению, к своеобразному балансу добра и зла в мире, великодушно прощать и отчасти стирать в своей памяти, в своем сознании обиду и зло.

Негативный и трагический жизненный опыт, выпавший на долю писателя, его собственной семьи и всего народа, тем не менее, не обретает в его произведениях «образ врага». В глубине его критического опыта вызревает все же неизменное и всепобеждающее объективное чувство веры и доверия, торжества справедливости.

2.3. Художественно-гуманистическое осмысление темы детства в рассказах Мусы Бексултанова.

В антропологической концепции Мусы Бексултанова большое место занимают проблемы семьи, отцов и детей, а также тема детства, проблема воспитания как важного фактора для дальнейшей судьбы каждого человека и каждого этноса. В своих устных и письменных высказываниях писатель неоднократно признавался в исключительной значимости для него лично и для человека и общества в целом темы детства, отмечая, что он – «родом из детства».

Муса Бексултанов помнит об этом постоянно, так как он много лет профессионально и увлеченно работает главным редактором чеченского детского журнала «СтелаIад» («Радуга»). С темой детства связаны многие его прозаические произведения – рассказы «Ягненок», «Посох», «Улицы города», «Без долга, без мести…», «Воспоминание» и др. Среди них особенно выделяется рассказ «Посох», имеющий одновременно и светлую, и грустную тональность. Автор передает диалектику бытия, описывает жизненные коллизии, которые отражают значительный дисбаланс событий и поступков героев. С одной стороны, описывается почитание национальных традиций и проявление любви и доброты к людям, с другой − показывается легкомыслие, бездумность, невнимание и неуважение к обычаям, к своим ближним. Иными словами, «вечное» противопоставляется мелкому, сиюминутному, суетному.

Действие «Посоха» охватывает события всего нескольких дней, в нем представлено минимальное количество действующих лиц, а в центре повествования – всего лишь один небольшой эпизод. Новелла, как и многие другие произведения Мусы Бексултанова, в том числе и малых жанров, создана от первого лица, причем от лица ребенка-рассказчика, с сохранением его лексики, фразеологии, особенностей детского мышления и «чувствования». Этот прием не случайно выбран автором, поскольку он хорошо понимает, что через детское восприятие многие общеизвестные и привычные вещи приобретают новые качества.

Повествование посвящено одному, но значимому в бытийном плане событию – эпизоду подготовки к свадьбе в соседской семье, увиденному героем-мальчиком. Ребенок словно «наполнен» ощущением восторженного и взволнованного ожидания. Смысловой центр новеллы группируется, концентрируется вокруг предмета, казалось бы, простого и заурядного, внешне незначительного для человека, не представляющего никакой ценности. Однако его наименование дало название новелле, так как старый посох является важной и многозначительной деталью произведения, имеющей глубокий символический смысл.

Юный герой-рассказчик сообщает о своем важном предстоящем участии в свадьбе. Автор таким образом знакомит читателя и с особенностями этнического кодекса *Нохчалла*, в соответствии с которым должны будут проводиться все этапы предстоящего радостного события. Вместе с тем, в разговорах мальчика со своим дедом автор раскрывает особенностями национальной этнопедагогики. М. Бексултанов блестяще передает исключительно мирный, позитивный, доброжелательный и конструктивный настрой двух главных участников повествования – деда и внука.

Муса Бексултанов показывает состояние ребенка, его мечты и планы во всех деталях с исключительной добротой, любовью и сочувствием к людям, к детству вообще. Он не скупится на повторы, многократно и с различными вариациями повторяет одну и ту же информацию о предстоящем событии, точно передавая особенность психологического состояния мальчика.

Лексема *посох* упомянута в тексте рассказа «Посох» впервые только на последних его страницах, причем слово на ограниченном пространстве текста употреблено с высокой плотностью: семь раз. Действительно, мифологема посоха имеет несколько значений – прямое, переносное, метафорическое. Это и опора, и защита, и преграда, и оберег. Все эти признаки посоха прямо или косвенно присутствуют в рассказе. Мышление героя-старика построено на беспредельной метафизической вере в сверхъестественную силу народного обычая и в силу посоха как его материализации, силы волшебного жезла, проводника метафизической идеи, веры в чудо.

Однако М. Бексултанов, подчеркивая значимость посоха как семейной реликвии, одновременно показывает хрупкость его вековой символики, его «ранимость и беззащитность». Он сознательно не доводит нравственно-психологический «градус» своего произведения до трагического состояния, давая понять, что неожиданный, «обидный» для главных героев рассказа финал – это, на первый взгляд, всего лишь следствие некоего курьеза, оплошности главных героев – старика и ребенка, перед неотвратимостью явлений

современной «цивилизации» и «прогресса». Однако за этой концовкой рассказа стоит очень глубокий драматизм конфликта наивной и непоколебимой веры в гарантию неприкосновенности, постоянства и неизменности нравственных законов и современной быстротекущей жизни, в которой уже не гарантируется место духовно-нравственным устоям.

Одновременно с точным изображением психологического состояния старика Муса Бексултанов глубоко анализирует особенности детской психологии, способность ребенка всесторонне познавать окружающий его мир во всех его ситуациях, аспектах и контекстах, как будничных, повседневных, так и редких, исключительных. Художественно убедительно автор характеризует взаимоотношения старика и внука, утверждает роль мудрого и любящего взрослого в духовном формировании ребенка и одновременно беззащитность обоих перед суетностью и бессмысленностью современной бездуховной реальности.

В рассказе Мусы Бексултанова «Посох» повествование окрашено мудрым юмором, оно имеет отчетливые признаки жанра притчи – дидактико-аллегорического жанра, в содержании которого отражаются нравственные основы человеческого бытия, а действующие лица предстают как субъекты этического выбора.

2.4. Этносоциальная и этическая проблематика в рассказе М. Бексултанова «Блаженный из нашего села» («Тхан юьртара Іаки»).

Выраженное экзистенциальное начало, присущее всему творчеству Мусы Бексултанова, получает отчетливое и своеобразное воплощение в его рассказе «Блаженный из нашего села» («Тхан юьртара Іаки»). В ее содержательной форме отразились различные тенденции новейшей мировой литературы XX – XXI вв. В частности, обнаруживаются признаки экзистенциализма, модернистской литературы «потока сознания», постмодернизма с их внешне «отстраненной» функцией автора, бессюжетностью повествования, скрытыми смыслами.

Рассказ «Блаженный из нашего села» занимает особое место во всем творчестве М. Бексултанова, все произведения которого отличаются сложным идейно-художественным характером. Однако этому тексту свойственна смысловая неоднозначность, наличие загадок и неразрешимых для читателя вопросов, «зашифрованность», фигуры «умолчания». Очевидно, что главный смысл произведения построен на определенном иносказании, метафоре. Заглавие произведения и первые его нейтральные, точнее, обладающие выраженной позитивной коннотацией страницы, совершенно не предвещают того, о чем в тексте пойдет речь в дальнейшем.

Рассказ имеет, на первый взгляд, отчетливо выраженный автобиографический характер. Вместе с тем, довольно быстро он отходит от традиционной документально-художественной конструкции классической «автобиографической повести о детстве». В сюжетно-композиционной схеме этого произведения при всем разнообразии и неповторимости каждой конкретной человеческой «истории», ставшей основой такого текста, соблюдается общая логика и последовательность.

Рассказ М. Бексултанова назван «Блаженный из нашего села», и, следовательно, в его центре находится иной объект изображения и художественного исследования писателя, а не «автобиографический» герой-ребенок, юноша. Именно некий блаженный человек, живущий в родном селе, показывается первоначально глазами героя-ребенка, подростка.

Можно предположить, что это имитация «прозы о детстве». Муса Бексултанов основной концепцией своей повести подтверждает истину, присущую испокон веков и народной мудрости, и священным текстам: блаженные и дети видят мир под своим углом зрения и мыслят сходными категориями и что им открыта истина, неведомая приземленному взрослому миру.

В своем произведении Бексултанов имеет в виду значение слова *блаженный* как «глуповатый, чудаковатый, юродивый». Феномен юродства существует во многих религиозно-моралистических системах, в том числе в Исламе и Христианстве. В этом

понятии зафиксировано близкое народному понимание «святости», то есть это народный тип святости, характеризующийся позицией человека, которому присущи такие качества, как бескорыстие, отсутствие жадности и стяжательства, отказ от богатства, щедрость ради своей веры, внешняя и внутренняя аскеза. Такой тип личности мог вызывать в обществе биполярное отношение: с одной стороны, как к носителю святости и самоотречения, как к существу, не познавшему греха, внимание и сочувствие окружающих, с другой стороны, как неполноценному члену общества, подвергавшемуся унижениям, гонениям и мытарствам.

Рассказ Мусы Бексултанова «Блаженный из нашего села» имеет довольно сложный подтекст, точнее, немало глубоко скрытых смыслов. Наречение главного героя Аки (Іаки) в качестве блаженного, по нашему мнению, должно было быть взято автором в кавычки, поскольку облик этого персонажа, психологического типа, существенно отличается от общепринятого представления о юродстве, расходится с традиционным пониманием слова *блаженный* как «бесстрашного носителя истины, смело обличавшего сильных мира сего».

Действительно, в процессе развития сюжета этого произведения постепенно и довольно неожиданно выясняется, что Аки очень далек от понятия святости. Это человек с неизвестным рассказчику и, скорее всего, непростым прошлым. Он социальный отщепенец, но совершенно по иным причинам, чем истинные юродивые. Скорее всего, он связан с уголовным миром, с его субкультурой.

Автор даже не берет на себя задачу выявить причины его зачаровывающего влияния на мысли, чувства, психику молодежи, и в первую очередь – на юного героя-рассказчика. Он не пытается анализировать истоки самой амбивалентной личности Аки, рассматривать мотивы его поступков, а лишь констатирует все парадоксы, связанные с ним.

Рассказ «Блаженный из нашего села» начинается с размышлений автора о своей малой родине, которые носят явный лирико-эпический характер, имеют философский, диалектический подтекст. Воссоздаваемая здесь автором мирная картина складывается в цельный и гармоничный образ родного села, описание которого наполнено теплотой и любовью к нему и имеет идиллический характер.

В рассказе отражается детская психология и раскрывается национальная ментальность. Светлое лирическое начало повести поэтизирует, отчасти романтизирует мир детства чеченской предгорной глубинки, но постепенно расширяются границы мира, изображаемого писателем: от мира безоблачного детства к сложному миру взрослых. Детально точно автор описывает естественный круговорот хронологического течения жизни: от вечера − к утру, от детства – к зрелости со всеми неизбежными и порой драматическими переходами от одной стадии к другой.

Писатель создает яркое, живописно-зримое и психологическое описание «самого необыкновенного» среди «блаженных» – «нашего друга Аки». Этот комплексный портрет персонажа и манеры его поведения сразу озадачивают читателя своим несовпадением с общепринятым представлением о подобного рода людях, вызывая, чем дальше, тем больше, ассоциации с психологическим типом совсем другого уровня.

Герой-рассказчик сообщает, что его герой – блаженный Аки – человек редкий, удивительный, особенный, незаурядный. Однако его поведение при первом же появлении в рассказе выглядит до предела заурядным и банальным. Создаваемое автором в начале рассказа ощущение сельской гармонии стремительно и диаметрально меняется, тон произведения, его лексика, фразеология и стилистика становятся все более жесткими и тревожными: главный персонаж Аки отправляется в Чертов овраг, являющийся местом пристанища местных пьяниц и картежников.

Рассказчик попадает в новую и достаточно чуждую для него среду. Вместе с тем, этот эпизод становится для него чем-то сходным с обрядом инициации. Несмотря на все усилия юного героя остаться незамеченным, он обнаружен Блаженным и принят им в его общество. Так происходит первое знакомство героя-рассказчика с уголовной средой,

стремительно расширяющее «диапазон» прежней жизни подростка, проходящей в скучной обстановке традиционного жизненного уклада.

Писатель создает серию безудержных рассказов Аки о его уголовном прошлом, в которых трудно установить грань между реальными и воображаемыми событиями. В огромном перечне рассказов героя соседствуют истории его истинных и мнимых преступлений, эпизодов «отсидок», щедро разукрашенных воровским жаргоном, с хвастливыми рассказами о побегах, подкопах, мешках золота и денежных купюр. Аки позиционирует себя «с сотоварищами» как неуловимый народный мститель и благородный разбойник. В рассказываемых им историях действие происходит в различных местах − Казахстане, Сибири, Магадане, а позже топонимика расширяется и действие переносится в Гонконг, Америку, на Амазонку, Миссисипи.

Характерно, что ни автор, ни даже герой-рассказчик не сопровождают подобное повествование никакими комментариями, вопросами, выражением недоумения, они не пытаются анализировать побудительные причины и механизмы устного творчества «блаженного» Аки, не определяют, что движет им в первую очередь, что преобладает в этом «словоизвержении» – банальное хвастовство и бравада уголовного мира, либо вдохновение и дар воображения, либо диагноз из области психиатрии.

Структура «Блаженного из нашего села» представляет собой достаточно оригинальную конструкцию «текст в тексте». Количество составных отдельных частей сюжетов и новелл, рассказанных Аки, трудно сосчитать, поскольку они представляют собой непрерывный «поток сознания», в котором один сюжет или эпизод либо плавно, либо неожиданно резко переходит в другой, порой прерываясь и возникая «из ничего». Вместе с тем, эти внутренние тексты не возникают в общем рассказе спонтанно, хаотично. Автор группирует их, в чем-то отдаленно ориентируясь на структуру средневековой персидской книги «Тысяча и одна ночь», в которой также существует рассказ, обрамляющий все внутренние тексты.

В этом произведении Мусы Бексултанова рассказы, «исполняемые» «блаженным» Аки, группируются также частично по количеству дней, в которые герою-подростку удается попадать на сборища, где все слушают его рассказы. Повествование Аки включает в себя и массу эмоций, и динамичное действие, и яркий живописный пейзаж, и ту метафизическую, мистическую, далекую от реальности и весьма поэтическую составляющую, которая, скорее всего и главным образом, и вызвала к жизни его прозвище «Блаженный».

Рассказ или дискурс в исполнении «блаженного» обладает многими признаками, принадлежащими искушенному человеку и присущими тому, что принято относить к явлению массовой литературы. Здесь очевидны интертекстуальные связи устных повествований с произведениями Эдгара По, Джека Лондона и других зарубежных авторов, что, несомненно, указывает либо на некоторую начитанность героя, либо на чрезвычайную насыщенность его памяти и воображения впечатлениями от зарубежных кинохитов, заполнявших экраны советских кинотеатров.

Подобного рода текст все время присутствует в речи персонажа. Стилистика его напоминает наброски к киносценарию – и это вообще одна из черт изобразительно-выразительной системы Мусы Бексултанова. Такая кинематографичность проявляется в динамической смене зримых и «озвученных» «кадров» художественного текста.

Блаженный Аки, вдохновенный сочинитель, лжец и артист, вживаясь в новую роль, с упоением сочиняет новый для него, но давно известный миф, построенный на шаблонах. Рассказывая легенду о собственном благородстве, щедрости, покаянии, всемогуществе, по сути, возможно, воплощает в ней свою несбывшуюся мечту, нереализованный гуманистический потенциал, например, родительский (либо иной) инстинкт. Ключевым же моментом этого мифа оказывается упорно проводимая персонажем идея собственной избранности, неких сверхчеловеческих способностей в духе Ф. Ницше.

Аки увлеченно создает себе имидж трагического изгоя, вечного скитальца, демона, носителя мирового зла, одновременно мучающегося своей демонической природой и произносящего лживо покаянные и мнимо благородные речи. Своего апогея безудержная фантазия Аки достигает в его описании мнимых похорон его возлюбленной, на которые со всего мира «приехали» и представители воровского сообщества, и звезды мирового кино.

В рассказе появляется и формулируется еще одна его тема – тема народного милосердия, великодушия, снисходительного отношения к человеческим слабостям, деликатного умения поддержать человека психологически, морально, материально, подавая тем самым пример и младшим.

Герой-рассказчик подчеркивает, что «многие росли на его рассказах и удивительных историях... Хотелось надеяться, что те, которые придут нам на смену, будут хотя бы просто людьми, и будут относиться по-человечески к Аки. Прежде всего, нужно было верить в истории Аки. Иначе он обижался и мог надолго замолчать»[11]. Не исключено, что он и в зрелости идеализирует человека, находящегося не в ладу с законом, в оппозиции к официальной власти.

Ведь общая тенденция к идеализации, романтизации, поэтизации разбойничьего, бандитского, уголовного мира существовала практически всегда и практически во всех социо- и этнокультурных системах (например целый раздел разбойничьих песен в русском фольклоре, в том числе песни и предания о Степане Разине, атамане Кудеяре и других ярких персонажах подобного типа, или драма Ф. Шиллера «Разбойники» и др.). В северокавказской традиции был ярко представлен феномен абречества – благородного разбойничества, связанного с образом некоего народного мстителя-одиночки.

Однако, как выясняется из текста, «блаженный» Аки не является носителем идеи благородного мщения, кары виновных, защиты угнетенных, униженных и оскорбленных, он, по большому счету, паразитирует на снисхождении и поклонении, на идеализации порока его приближенными. Автор сохраняет позицию нейтралитета, говоря об Аки с несомненной иронией, в то же время прощая все его слабости.

Характерно, что многочисленные остросюжетные, мастерски сочиняемые и одновременно сбивчивые, бредовые фантазии, рассказываемые и разыгрываемые Блаженным Аки байки насыщены самой разнообразной информацией, именами, терминами, имеют разветвленный интертекст, что может указывать не только на криминальное, но и иное – интеллектуальное, культурное, спортивное − прошлое героя.

Финальная часть произведения Мусы Бексултанова также занимает в его структуре достаточно обособленное место, как и открывающая его часть с воспоминаниями о детстве, и вновь приобретает качественно новый характер. Она уже содержит довольно обширные непосредственные размышления героя-рассказчика по поводу основной проблематики книги (жизненной и посмертной судьбы главного героя – блаженного Аки), − высказанные в форме прямого обращения к читателю, в котором, несомненно, проявляется позиция самого автора, а не только его героя-рассказчика. Эта часть произведения носит наиболее выраженный документально-публицистический характер, в ней особенно усиливается всегда присутствующий в прозе Мусы Бексултанова не только духовно-нравственный и этнопсихологический, но и весьма глубоко скрытый социокультурный подтекст.

Автор-рассказчик с явным сожалением и ностальгией вспоминает об истории Аки и связанном с ним феномене как источнике некой особой творчески вымышленной информации, обладавшей невероятной притягательной силой. Одновременно рассказчик размышляет об утрате определенных духовно-нравственных ценностей, уступивших место культу потребления: «Люди стали абсолютно другие. Складывается впечатление, что они пришли в этот мир на веки вечные. Смыслом жизни стало накопить как можно больше

[11] Бексултанов, М.Э. Блаженный из нашего села: рассказ / М.Э. Бексултанов; пер. С. Инаркаевой // Вайнах. – 2014. – № 9.

денег. Алчные, скупые, голодные – они оказались способными лишь на коварство, предательство. Только одно материальное благо стало источником их радости»[12].

В авторской позиции подкупает, прежде всего, его «память детства», его ощущение благодарности за те уроки вымысла, полета фантазии, которые он и другие получали из уст Аки. Условно-мемуарный компонент в тексте имеет отчетливый духовно-нравственный и психологический акцент.

В своем рассказе «Блаженный из нашего села» Муса Бексултанов анализирует и специфику такого явления, как творческий процесс, процесс создания некоего устного текста, степень его воздействия на духовный облик как его благодарных слушателей (в первую очередь самого героя-рассказчика), так и самого создателя этих текстов и смыслообразов. В то же время он создает яркую стилизацию воровской романтики, одновременно частично иронизируя над ней и пародируя ее, употребляя массу штампов и стереотипов, связанных как с уголовным миром, так и с массовой культурой. В то же время в устных рассказах Аки причудливо смешиваются разнообразные образы, предметы, страны и события – индейские вожди, индийские йоги, звезды кино, спорта и «наш односельчанин Бонча», Ниагара и мост в Грозном и т.д.

В рассказе как будто остается открытым вопрос о том, кто же на самом деле главный герой этого непростого рассказа – гениальный безумец, ловкий (и не бесталанный) обманщик и приспособленец или лишний человек, мимикрирующий под безумца. Однако с ним связана и важная проблема – свобода выбора, действий, жизни.

В то же время, хотя в тексте ни разу не упоминаются имя Всевышнего, элементы Священного Писания мусульман – «Корана», не описываются особенности духовно-религиозной традиции, очевидны аллюзии и реминисценции, отсылающие читателя именно к этим истокам. Воссоздавая образ блаженного Аки и историю его существования в социуме, автор проводит прозрачные параллели с такими религиозными мусульманскими практиками, как милостыня и закят, проводит и активно утверждает свойственную как Исламу, так и Христианству гуманистическую идею милости к падшим, сирым и убогим (от слова Бог), тем самым придавая основной глубокий смысл семантике этого произведения.

Очевидно, автор осознанно не расставляет акценты в бинарных оппозициях «добро – зло», «свет – тьма», «здоровье – болезнь», «ум – сумасшествие», «закон – криминал», понимая всю категоричность и неоправданность подобной противопоставленности. Острота данных противоположений довольно искусно воспроизведена, но иногда аллегорически завуалирована автором.

В **Заключении** обобщены наиболее значимые результаты диссертационной работы, подтверждаются положения, выдвинутые на защиту, формулируются основные выводы проведенного литературоведческого исследования.

Перспективы исследования видятся в дальнейшей разработке вопросов, связанных с изучением жанровой специфики, поэтики и семантики художественной прозы чеченского писателя Мусы Бексултанова, а также с исследованием ценностно-смыслового пространства художественного мира в его произведениях.

---

[12] Бексултанов, М.Э. Блаженный из нашего села: рассказ / М.Э. Бексултанов; пер. С. Инаркаевой // Вайнах. – 2014. – № 9.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:
Статьи, включенные в перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Отражение вопросов диалога культур в интеллектуальной прозе М. Бексултанова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2018. – Вып. 2 (217). – С. 162-165.
2. Внутреннее единство, структурно-семантическое и смысловое новаторство и многообразие прозы чеченского писателя М. Бексултанова / Т.Б. Джамбекова, М.А. Кибалова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2018. – Вып. 2 (217). – С. 148-154.
3. Авторская характеристика собственной литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности чеченского писателя Мусы Эльмурзаевича Бексултанова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: научно-практический журнал. Сер. Гуманитарные науки. – 2018. – № 8. – С. 120-123.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. Основные вехи жизни и творчества Мусы Бексултанова // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа: материалы международной научно-практической конференции. – Грозный, 2018. – С. 251-253.
5. Художественное исследование проблемы сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в новелле Мусы Бексултанова «Посох» // Известия Чеченского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 19-22.
6. Духовно-нравственная и этно-социальная проблематика в прозе Мусы Бексултанова // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа: материалы Международной научно-практической конференция. – Грозный, 2019. – С. 216-223.